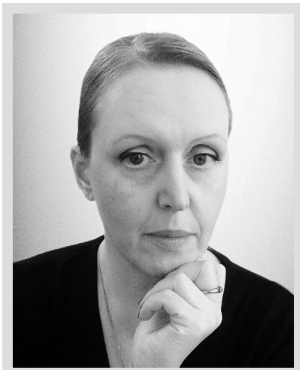

УДК 316.4; 316.7

Национально-региональные ценности и локальная идентичность**Козлова Ю.В.**

Кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник Международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова

В статье представлена проблема формирования национально-региональных и локальных ценностей, их взаимозависимости, факторов формирования и значимости для поддержания локальной идентичности и социальной преемственности в обществе. Рассматриваются традиционные ценности стран Европы, Азии, Америки и России, их функциональные признаки, внутренняя и внешняя динамика. Затрагиваются проблемы социальной и культурной значимости локальных ценностей, ключевые аспекты территориальной и культурной локальной идентичности, связанные с городским, мегаполисным и местным самосознанием.

Ключевые слова: урбанизация, городская идентичность, глобальная идентичность, локальная идентичность, идентификационная матрица, глобальная солидарность

Город как социальный феномен стал объектом научных исследований еще в конце XIX в. вследствие нерегулируемого роста городских структур, в том числе культурных, информационных и беспрецедентного соотношения интенсивности контактов и изолированности горожанина. Вышедшая в 1903 г. работа А. Вебера уже содержит исторический обзор статистики распределения населения в США, Азии и странах Европы, обоснование статистических методов. Автор связывает рост городов прежде всего с развитием промышленности и торговли и массовой миграции, затрагивает вопрос о качестве жизни в больших городах как средстве естественного отбора [1].

Представители Чикагской школы также еще в самом начале XX в. очертили основной круг проблем, связанных с неуклонной урбанизацией во всем мире, – разрушение традиционного культурного уклада, маргинализация и невротизация населения, негативное влияние на среду, избыточное потребление. Тогда же возникла концепция города Р. Парка – Э. Берджесса как социальной среды, особого рода организма, имеющего «естественные зоны», «управляемую экологическую организацию сообщества» и особые формы влияния на формирование личности [2; 3].

Л. Вирт также рассматривал город как особую форму социальной ассоциации, в которой важна именно разнородность жителей, высокая скорость жизненных изменений и снижение значимости семьи, общины и соседства, функции которых присваивают общественные институты [4].

Р. Редфиллу принадлежит типология сельско-городского континиума, основанная на конструктах «абсолютная деревня» (небольшой объем и высокий уровень солидарности, четкая система правил) и «абсолютный город» (большой объем, динамичная солидарность, готовность к экспериментам), который является основным источником социальных изменений [5].

Таким образом, социальное пространственно-временное единство еще на начальном этапе урбанизации рассматривалось исследователями как биосоциальное, символическое ценностно-мотивационное и одновременно территориальное, нормативное. Проживание пространства-времени в условиях городской общности прежде всего является реализацией общечеловеческих, национально-региональных и групповых ценностей. Идентификационная матрица этноса, страны или региона поддерживается в виде представлений, традиций, ритуалов, элементов повседневности,

принадлежащих к конкретным условиям проживания.

Изменения, произошедшие в глобальный период в ценностных ориентирах жителей больших и малых городов, невозможно оценить однозначно, так как набор идентификационных матриц ориентирован на геополитический и социокультурный статус региона и является локализацией в конкретных жизненных условиях ценностей страны [6].

С одной стороны, взрывное развитие сетевых коммуникаций, расширение сфер влияния международных корпораций, товаров, услуг, информационных продуктов, систем управления бизнесом, наконец, бизнес-вариации английского языка, все это способствовало вестернизации местной культуры и оказало неизбежное влияние на стиль жизни и восприятие городского пространства не только у жителей мегаполисов, но и в большинстве геолокаций по миру.

С другой стороны, локальные ценности – квинтэссенция социального опыта, миропонимание, воплощенное в жизненном укладе, природном и культурном ландшафте, структурированный опыт, определяющий восприятие настоящего и представление о будущем. Это базовое представление человека о себе в системе родовых, этнических, религиозно-духовных, территориальных ориентиров, которое определяет смысл его жизни и преемственность поколений.

Так, в странах Европы катализатором локального самосознания явилась Вторая мировая война и социокультурный кризис, для разрешения которого был создан Европейский союз. Идентификационной основой европейскости явились Копенгагенские критерии, декларирующие демократию, равные права и свободы для каждого, в том числе единство системы образования и принципов законодательства. Тем не менее евроидентичность, равноценная национальной и локальной, к моменту вхождения в мировой кризис 2015 г. так и не была сформирована [7-9]. Более того, миграционные процессы, а особенно начавшаяся в 2020 г. пандемия показала, что в условиях неопределенности и повышенной опасности концепция единой Европы стала восприниматься все более скептически. Это свидетельствует в том числе и об ограниченности возможностей целенаправленного регулирования, а тем более проектирования идентификационных матриц и управления социальными процессами на этой основе.

В США социальная идентичность как научная и общественная проблема, связанная с принадлежностью к нации, политическому движению, государству, приобрела актуальность лишь в последней трети XX в., в связи с обострением идентификационных противоречий периода молодежной протестной культурной революции 60-х гг. [10]. Идентификационной основой наряду с демократической идеологией является национальная идея «свобода

– равенство – согласие» как форма языковой, этнической и религиозной однородности, а также приверженность личной свободе и ориентированность в будущее.

Иной набор идентификационных маркеров сложился в странах Северо-Восточной Азии. Для Японии – это язык, уникальные технологии, эстетика и дизайн, миролюбие, гостеприимство, ценность природы, субкультуры, известные всему миру. Для Китая – традиционные виды искусства, философия, уникальный социальный опыт и геополитическая позиция сильнейшего в регионе государства. Для Кореи важна дифференциация от Японии и Китая, особая конфуцианская культура, уникальная эстетика, передовые технологии, в том числе и социального проектирования. Этот блок в противовес западному принципу целесообразности развивает идею «социального дара и обмена», на которой построено воспроизводство идентичности. «Дарение» находится вне экономических рамок и обеспечивает территориальную и поколенческую преемственность [11; 12].

В Юго-Восточной Азии основанием идентичности является языковое, религиозное, этническое многообразие и территориальная локальность. Кроме того, у каждой из стран свой колониальный опыт и своя вариация формы государственного устройства в условиях независимости (от султаната до социалистических или президентских республик). Поэтому региональная идентичность скорее является рамочной, основанной на общих экономических интересах элит. Это так называемые «общеазиатские ценности», которые на рубеже XX-XXI вв. были альтернативой «общеевропейским» ценностям индивидуализма и экономической прибыли. Это приоритет общественного над личным, гармонии в обществе по отношению к личным правам и свободам, интеграция религиозного и государственного в социальных структурах, коррупционность как организующее начало и семейно-партнерское управление, бережливость и трудолюбие, а также эмоциональная приверженность лидеру и его представителям для масс. В основе – долг и социальная иерархия, имеющая сакральное значение и в современных условиях трансформированная во всеобщую заинтересованность в построении процветающего общества и делегирование государству полномочий определять содержание идеологии, степень и характер свобод для граждан.

Такие идентификационные ориентиры прежде всего направлены на сохранение национальной и региональной независимости, развитие собственной модели демократии и как следствие – укрепление локальной идентичности [13].

В нашей стране, с ее геополитическим и социокультурным наследием СССР, приходится ориентироваться на уникальную композицию этнических и

религиозных традиций, языковую многомерность, климатическую, ресурсную неоднородность, на основе которых в новейшее время и формировалась идентификационная матрица «рыночной, демократической, открытой России», а затем «новой, сильной, единой России».

XX в. явился периодом социальных экспериментов и реформаций, поэтому в XXI в. Россия вступила из постсоветской модели универсальной социальной солидарности в реальность Четвертой промышленной революции с глобальной идентичностью, построение которой идет параллельно в физической и дополненной (цифровой) реальности. Особенность в том, что космический прорыв 60-х гг., как и ранее – освоение целинных земель, электрификация, индустриализация несли в себе мотивирующий потенциал, часть населения воспринимала эти процессы неоднозначно, и тем не менее эти программы были «сакральными», объединяющими в массовом сознании противоположности: «идею и реальность», «индивидуальность и социум» и в конечном итоге противоположность между конечностью человеческой жизни, ограниченностью возможностей личности и «социальной вечностью», в которой человек имеет возможность существовать даже самим фактом проживания соответствующей эпохи. Идея построения общества социальной справедливости, бесклассового, открывающего доступ к возможностям каждого для всеобщего блага – эквивалент личного бессмертия, и тот контекст, в котором соответствующие жизненные смыслы в той или иной степени могут быть реализованы «здесь и сейчас». Пусть это не «мечта о рае», но – ответ на вопрос «что делать?». Идея о продолжении человека не только в детях и внуках, но и в том большом деле, в которое он внес вклад, в том отпечатке, которое его жизнь, его речь и действия оставили в человеческой культуре, транслировалась в советской идеологии, в образовании и массовом искусстве. Архитектурные объекты и пространства проектировались, исходя из принципа общественных, массовых форм жизни и деятельности, прежде всего это центростремительное планирование застройки, ориентированность на общественный транспорт и многоэтажные дома в советских мегаполисах.

В России в силу ее пространственного положения и этнического многообразия в последние десятилетия формируется государственно-гражданская идентичность (в большей степени связанная с историческим прошлым, научно-техническими и культурными достижениями), которая в каждом регионе в той или иной степени соотносится с местными традициями, усиливается также значение социально-статусной идентичности. Тенденции формирования «гражданской нации» и «этнонации» только начинают формироваться и требуют длительной

планомерной предметно-пространственной верификации разделяемых ценностей [14].

Однако, по выражению В.В. Розанова, «Россия видимостей» (административная структура и культура элит) находится в вечном противоречии с интуитивно постигаемой «Россией существенностей» (отражение исторических, социально-экономических процессов в народном сознании, происходящее в житейском опыте), на этом разломе и развивается общность территориально объединенных народов [15].

В нынешнем едином мире идеи поиска формы общественного прогресса, которая разрешила бы противоречия между западным индивидуализмом и восточным «общим благом», многократно возникали в работах философов и социологов. И это совсем не является абстрактной задачей, так как искомая общественная структура прежде всего обеспечила бы социум необходимыми жизненными смыслами, послужила ценностным вектором деятельности коммуникативных, предметно-территориальных, административных и экономических структур. И это тем более актуально, что в наше время любая локальная общность, независимо от территориальной протяженности и значимости, является элементом мировой сети, интегрирует транслируемые ей содержания, и эта интеграция не должна привести к размыванию и деградации локальной культуры.

Ориентиры такой интеграции были предметом поисков выдающихся мыслителей прошлого века. Прежде всего, на основе ценности свободного самовыражения и установленного в его ходе порядка, выраженной в концепции «*Homo ludens*» [16; 17], которая в эпоху виртуализации и цифровизации всех сторон жизни приобрела новый смысл. А также благодаря способности к бескорыстному творчеству и высокой ответственности за все человечество, за состояние природы, «философии общего дела» [18], положившей основу космической эре и ноосферному сознанию человечества [19]. Возможно, интегративной основой для соединения глобально-локального могло бы стать антропоцентрическое погружение в интраисторию, отраженную в языке народа, той среде, которая была создана поколениями и представлена в настоящем как уникальный территориальный и культурный ландшафт [20].

Местная идентичность, включающая родовую, общинную, соседскую, обеспечивает разнообразие и устойчивость идентичности региональной, национальной, ее сохранение и развитие в постглобальном цифровом мире является необходимой основой его будущего благополучия.

Литература:

1. Вебер А. Рост городов в 19-м столетии. – СПб.: Е.Д. Кускова, 1903. – 464 с.
2. Парк Р. Избранные очерки. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 322 с.
3. Бёрджесс Э.У. Рост города. Введение в исследовательский проект // Чикагская социология: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и пер. Николаев В.Г.; Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2015. – 430 с. – С. 20-34.
4. Вирт Л. Избранные работы по социологии. – М., 2005. – 244 с.
5. Redfield R. The social organization of tradition // Redfield R. Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1956. – P. 67–104.
6. Культура имеет значение: каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – 315с.
7. Берендеев М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – Вып. 6. – С. 70-79.
8. Деррида, Ж. Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение после Европы // Отечественные записки. – 2003. – № 6 (15). – URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=15&article=715>.
9. Giddens A. Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe? – Polity press, 2013. – 242 p.
10. Erikson E. Childhood and Society / Erik Homburger Erikson. – Norton, 1993. – 445 p.
11. Мосс М. Общества. Обмен. Личность [Текст]: труды по социальной антропологии / Сост., пер. с фр., предисл., вступ. ст. и коммент. А.Б. Гофмана. – М.: Книжный дом – Университет (КДУ), 2011. – 413 с.
12. Годелье М. Загадка дара: Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Вост. лит., 2007. – 293с.
13. Мосяков Д.В. Юго-восточная Азия: формирующаяся региональная идентичность // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 575-587.
14. Савин С.Д., Касабуцкая М.С. Общациональные российские ценности в контексте формирования коллективной идентичности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2019. – Т. 12. – Вып. 1. – С. 82-97.
15. Розанов В.В. Психология русского раскола // Соч.: В 30 т. – М.: Республика, 2008. – Т. 26. – 894 с.
16. Хейзинга Й. Homo ludens. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 350 с.
17. Гессе Г. Игра в бисер. – М.: АСТ, 2019. – 512 с.
18. Федоров Н.Ф. Философия общего дела. – М.: Эксмо, 2008. – 750 с.
19. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 576 с.
20. Унамуно М. Житие Дон Кихота и Санчо по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуно. – СПб.: «Азбука», «Азбука-Аттикус», 2011. – 416 с.

National-Regional Values and Local Identity

Kozlova Yu. V.

Linguistics University of Nizhny Novgorod

The article presents the problem of the formation of national-regional and local values, their interdependence, factors of formation and significance for maintaining local identity and social continuity in society. The traditional values of the countries of Europe, Asia, America and Russia, their functional features, internal and external dynamics are considered. The problems of social and cultural significance of local values, key aspects of territorial and cultural local identity related to urban, megalopolis and local self-consciousness are touched upon.

Key words: urbanization, urban identity, global identity, local identity, identification matrix, global solidarity

